

Вопросы философии и психологии

Книга 10

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 101
ББК 87
В74

В74 Вопросы философии и психологии: Книга 10 / – М.: Книга по Требованию,
2021. – 273 с.

ISBN 978-5-458-04660-2

ISBN 978-5-458-04660-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.



Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Фулье и метафизика будущего.

Нельзя не замѣтить, что философская мысль нашихъ дней проникнута глубокими синтетическими стремленіями. Анализъ сдѣлалъ свое дѣло: одно за другимъ онъ разложилъ тѣ начала, которыми жило еще столь недавнее прошлое; разрушилъ тѣ грандіозныя и стройныя построенія, которыя такъ настойчиво воздвигались съ затратой громаднаго труда и таланта въ теченіе всей первой половины нашего столѣтія, и выставилъ лежащія въ основѣ ихъ принципы въ такой рѣзкой взаимной противоположности и съ такими поразительными несообразностями, что онѣ стали для всѣхъ совершенно очевидными. Вслѣдствіе этого, интересъ къ анализу философскихъ построеній прошлаго, — интересъ, еще такъ недавно одушевлявшій передовые умы, — исчезъ. Оригинальная критика смѣнилась общими мѣстами, которыя уже больше никого не удовлетворяютъ. Дешевое глумленіе надъ великими идеалистическими системами наскучило точно такъ же, какъ и высококомѣрное третированіе „неглубокомысленнаго эмпиризма“. Пршшлое уже не манитъ къ себѣ. Взоръ съ тоскою устремленъ въ будущее. Повсюду слышатся запросы новаго, чувствуется жажда „новыхъ началъ въ философіи“. И какъ всегда бываетъ въ подобныхъ случаяхъ,

взволнованная и беспокойная мысль еще разъ окидываетъ однимъ общимъ взглядомъ прошлое, ищетъ тамъ установившихся, общепризнанныхъ элементовъ, чтобы, сгладивъ между ними противорѣчія и такимъ образомъ сведя ихъ къ единству, положить ихъ въ основаніе новаго зданія. Такъ обстоитъ дѣло относительно всѣхъ вопросовъ философіи, такъ же и относительно частнаго вопроса—о метафизикѣ, ея предметѣ, задачахъ и методѣ.

Когда къ жизни пробуждается новый принципъ, его зарожденіе обыкновенно чувствуется всѣми умами, увлеченными общимъ потокомъ историческаго развитія, но большинствомъ чувствуется смутно, какъ нѣкоторый неясный запросъ, какъ безотчетное стремленіе къ новому. Только немногія, наиболѣе богато одаренныя синтезирующими, организаторскими силами, натуры способны воспринять нарождающійся принципъ во всемъ его объемѣ, выразить его въ ясной формѣ и ввести въ общее мыслящее сознаніе. Это именно и сдѣлалъ въ отношеніи къ вопросу о метафизикѣ Фулье въ своей недавней книгѣ *L'avenir de la métaphysique fondée sur l'expérience* (Par. 1889). При чтеніи его труда иногда кажется, будто онъ высказываетъ что-то ужъ очень знакомое, что уже предносилось и прежде, хотя и не въ столь ясной формѣ, какъ единственный возможный исходъ изъ лабиринта смутныхъ современныхъ взглядовъ на метафизику,—эту, несмотря на свое свыше двухтысячелѣтнее существованіе, все еще спорную науку. Это чувство, вѣроятно, подмѣтилъ въ себѣ всякій, кто слѣдилъ за своимъ настроеніемъ при чтеніи мастерски и талантливо написанной книги Фулье.

Умѣстить богатое и разнообразное содержаніе книги Фулье въ тѣсныхъ рамкахъ журнальной статьи нѣтъ никакой возможности. Поэтому необходимо ограничиться лишь важнѣйшими пунктами, показать, какимъ образомъ, съ какихъ новыхъ точекъ зрѣнія Фулье объединяетъ обострившіяся крайности въ современныхъ взглядахъ на метафизику.

I.

Предметъ и задачи метафизики.

Предметомъ метафизики, по обычному традиціонному опредѣленію, служить міръ или, общѣе, бытіе въ цѣломъ. Это, однако, не то бытіе, которое складывается изъ безчисленнаго множества конкретныхъ предметовъ природы и фактовъ жизни, взятыхъ прямо,—такъ, какъ ихъ даетъ непосредственный опытъ; не тотъ міръ, который предстоитъ воззрѣнію, какъ дробное, распавшееся, не связанное никакимъ единствомъ, не озаренное никакимъ верховнымъ смысломъ начало: въ круговоротъ такого хаотическаго бытія погружено лишь сознаніе нефилософское. Нѣтъ, міръ метафизики есть міръ въ его общихъ формахъ и неизмѣнныхъ законахъ, въ его умопостигаемомъ единствѣ и высшемъ смыслѣ, въ его дѣйствительности и истинѣ,—словомъ, *міръ въ его абсолютномъ моментѣ*. Метафизику создаетъ не предметъ,—предметъ у ней одинаковъ съ тѣмъ, которымъ живетъ обычное внѣнаучное сознаніе и который по частямъ изучаютъ спеціальныя науки,—а задача. Метафизикъ смотритъ на тотъ же самый міръ, на который и всѣ смотрятъ, но, такъ сказать, подъ другимъ угломъ зрѣнія.

Собственно метафизическая задача сопровождаетъ человѣка на всѣхъ стадіяхъ его развитія и всегда находитъ такое или иное рѣшеніе. Въ формѣ неясныхъ психологическихъ постулатовъ, безотчетныхъ догадокъ и чаяній метафизическіе вопросы и истины предносятся уже уму внѣкультурнаго, донаучнаго человѣка. Съ развитіемъ же культуры, съ пробужденіемъ чистой научно-теоретической любознательности они находятъ уже болѣе или менѣе ясную постановку и формулировку. Несмотря, однако, на все это, метафизическая задача, вслѣдствіе своей широты и сложности, и доселѣ, можно сказать, не приведена къ ясной всеисчерпывающей формулѣ. Ее обыкновенно ставили и обсуждали по частямъ, въ тѣхъ или другихъ отдѣльных моментахъ, и, какъ всегда бываетъ въ подобныхъ случаяхъ,

за деревьями нерѣдко просматривали лѣсъ, за отдѣльными метафизическими вопросами не замѣчали собственной и главной метафизической задачи. Исторія философіи и вообще наука достаточно доказываютъ, что у большинства анализъ преобладаетъ надъ синтезомъ, что въ исторіи чаще появлялись умы съ аналитическимъ, формальнымъ, дробящимъ характеромъ; умовъ же, одаренныхъ систематизаторскою, организующею, творческою силою, — сравнительно незначительный процентъ. Вотъ почему и исторія метафизики такъ богата попытками поставить ту или другую частную метафизическую задачу на мѣсто единой и общей. Вотъ почему, далѣе, относительно этой послѣдней еще далеко не наступило согласія. Едва-ли можно указать хотя одну эпоху, которая бы совершенно утратила сознаніе предмета и собственныхъ задачъ метафизики: это сознаніе всегда находило болѣе или менѣе вѣрныхъ своихъ носителей и выразителей. Но за то въ каждую эпоху можно указать не только отдѣльныхъ мыслителей, но даже цѣлыя школы, которыя горячо возставали противъ вышеуказанной, слишкомъ широкой, какъ имъ казалось, постановки метафизической задачи и предлагали свою формулировку ея, болѣе или менѣе одностороннюю и узкую.

Такъ было всегда, такъ остается и доселѣ. И въ наше время распространено не мало одностороннихъ взглядовъ на метафизику, которые, исходя отъ людей, обладающихъ и талантами и познаніями, и заявляя себя, поэтому, съ особенною настойчивостью, хотятъ сузить метафизическую задачу, вытѣснивъ предварительно изъ общаго сознанія обычное пониманіе ея предмета и задачъ, взятыхъ во всей широтѣ ихъ исторической постановки.

Прислушиваясь къ современнымъ сужденіямъ о метафизикѣ, мы безъ труда различаемъ въ нихъ двѣ главныхъ группы: сужденія представителей такъ называемой *научной философіи*, съ одной стороны, и *философіи критической*, съ другой. Относясь одинаково враждебно къ метафизикѣ въ историческомъ, вышеобъясненномъ смыслѣ этого термина

и будучи въ этомъ отношеніи совершенно сходны, указанные взгляды во всѣхъ другихъ отношеніяхъ представляютъ полную противоположность. По первому, предметомъ философіи служить познаваемый міръ, какъ и поскольку онъ данъ въ ряду специальныхъ наукъ, по второму—познающій разумъ (субъектъ). Тамъ задача состоитъ въ томъ, чтобы координировать науки, свести ихъ къ единству и такимъ путемъ установить предметныя начала знанія; здѣсь—въ томъ, чтобы выяснить апріорныя формы и нормы знанія, опредѣлить возможность и составъ достовѣрнаго познанія и уже косвенно уяснить самое бытіе. Тамъ философія въ сущности есть лишь классификація наукъ, къ которымъ она относится, какъ сумма къ слагаемымъ, цѣлое—къ частямъ, или, въ лучшемъ случаѣ, какъ организмъ къ членамъ; здѣсь философія есть критика и теорія познанія. Метафизика въ собственномъ, историческомъ смыслѣ этого слова, т.-е. наука о мірѣ въ цѣломъ, въ его умопостигаемомъ единствѣ и смыслѣ, въ сущности и тамъ и здѣсь отрицается.

Указанныя крайнія сужденія о философіи отнюдь не должны быть разсматриваемы въ качествѣ самостоятельныхъ движеній современной мысли. Несмотря на оригинальность формулы и мотивировки, съ которой они иногда являются предъ нами, это—типы мысли далеко не новые. Въ самомъ дѣлѣ, прослѣживая историческія преемства идей, мы легко распознаемъ въ первой группѣ суждений идеи Конта, во второй—Канта. Контъ и Кантъ, позитивизмъ и критицизмъ—вотъ два крайнихъ полюса не современныхъ только, но всѣхъ вообще суждений о философіи въ текущемъ столѣтіи. Вотъ почему никакъ нельзя видѣть анахронизмъ въ томъ, что послѣднее слово о метафизикѣ, каковымъ по справедливости слѣдуетъ считать книгу Фулье, начинается именно размежевкой съ Контомъ и Кантомъ. Въ этомъ приѣмѣ Фулье обнаружилъ большое историческое чутье. Желая судить о предметахъ объективно-научно, а не на основаніи безотчетныхъ личныхъ симпатій, онъ не могъ игнорировать указанныхъ, исторически опредѣлившихся теченій мысли.

Онъ долженъ былъ воспринять ихъ въ свое понятіе о метафизикѣ, какъ отдѣльные его моменты, конечно, устранивъ предварительно ихъ взаимоисключающія крайности.

Такимъ образомъ Фулье судить о предметѣ и задачахъ метафизики вмѣстѣ и исторически и критически. Коренная ошибка позитивизма состоитъ, по Фулье, въ непониманіи имъ метафизической природы нашего ума и въ совершенно безцѣльномъ запрещеніи человѣку интересоваться тѣмъ, чѣмъ не интересоваться онъ не можетъ. Позитивизмъ хочетъ приковать умъ человѣка къ положительному знанію специальныхъ, преимущественно точныхъ наукъ; но положительное знаніе есть абстракція, которая никогда не можетъ удовлетворить живого человѣка. Въ самомъ дѣлѣ, „положительная наука знаетъ только законы, но не вещи; истину, но не реальность; формы и рамки нашего опыта, но не его живое и интуитивное содержаніе, не внутреннее чувство бытія и дѣйствія“. Она переводитъ явленія въ термины тяжести, длины, массы, считаетъ ихъ, взвѣшиваетъ, называетъ, но въ ихъ внутреннюю природу проникнуть не можетъ. Ея міръ, подобно гранямъ призмы, извнѣ горитъ безчисленными разноцвѣтными огнями, а внутри—темень и непроницаемъ. Ея царство, т.-е. царство законовъ, формулъ, идеальныхъ знаковъ неизвѣстныхъ въ своемъ существѣ и внутренней природѣ вещей, есть утрюмое царство,—царство безплотныхъ и безжизненныхъ призраковъ, ложь въ оболочкѣ истины. Притомъ точная наука не закончена: она не даетъ отвѣтовъ на тѣ жгучіе, роковые вопросы, ставитъ которые побуждаетъ человѣка не только его теоретическая любознательность, но и практическая потребность,—потребность жить, а слѣдовательно и знать, какъ жить, имѣть правильное понятіе о жизни вселенной.

Правда, въ этомъ послѣднемъ отношеніи кое-что сдѣлалъ и позитивизмъ. Онъ призналъ одною изъ существенныхъ задачъ философіи классификацію нашихъ научныхъ понятій о мірѣ. Но, во-первыхъ, метафизика отнюдь не должна исчерпываться классификаціею наукъ, такъ какъ классифика-

ція есть лишь ея точка отправленія и объективное, предметное основаніе; во-вторыхъ, *метафизическая* классификація наукъ должна организовать наше знаніе не по одному лишь объективному принципу, какъ это дѣлаетъ позитивизмъ, а вмѣстѣ и по субъективному,—именно съ точки зрѣнія отношенія міра къ субъекту. Метафизика должна изучить и оцѣнить способъ, которымъ нашъ „психическій организмъ“—умъ, воля и чувство—реагируетъ на всю совокупность получаемыхъ отъ неѣ впечатлѣній; должна опредѣлить, что такое вселенная, какъ предметъ мысли, чувства и воли, какъ она нами мыслится, чувствуется, желается, какое изъ всѣхъ понятій о совокупности вещей, какъ цѣломъ, наиболѣе согласуется само съ собою, съ конститутивными законами мысли и дѣятельности, наконецъ со всею совокупностью нашего дѣйствительнаго опыта. Для выполненія этой задачи недостаточно изученія однихъ только наукъ естественныхъ или однихъ только наукъ психологическихъ: необходимо изучить обѣ группы наукъ вмѣстѣ и свести ихъ къ единству и гармоніи. Наука о природѣ—абстракція, потому что она выдѣляетъ изъ своей области все, что вносить въ природу нашъ „мысленный организмъ“. Психологія—также абстракція, потому что она изучаетъ душевныя явленія независимо отъ вселенной: только метафизика, изучающая оба порядка явленій въ гармоніи, есть наука конкретная. Ея специальная задача, поэтому, состоитъ въ изученіи „универсальнаго“, въ построеніи системы „наиболѣе простой и вмѣстѣ наиболѣе полной, обнимающей разомъ и дѣйствіе и воздѣйствіе“,—въ синтезѣ „космологіи и психологіи“, т.-е. обѣихъ *возможныхъ точекъ зрѣнія на реальность*.

Первымъ ручательствомъ за вѣчное существованіе метафизики служить, по Фулье, извѣстный законъ, по которому, какъ удачно выразился Фулье въ другомъ мѣстѣ (*L'évolutionisme des idées-forces*, 1890), „всѣ безъ исключенія факты въ мірѣ должны быть связаны цѣпью дѣйствія и противодѣйствія и образовать единое динамическое цѣлое“, такъ что всякое противодѣйствіе неизбежно предполагаетъ соответствующ-

шее ему дѣйствіе. Съ этой точки зрѣнія необходимо признать, что наши метафизическія стремленія и запросы съ неизбѣжностью вызываются внѣшнимъ дѣйствіемъ на насъ,—какою-то тайною пружиною, которая не позволяетъ успокоиваться на чувственныхъ явленіяхъ. Разъ существуетъ реагирующий мозгъ, дѣйствующее на него общество, міръ,—метафизика необходима: въ этомъ ея оправданіе. Человѣкъ—„животное метафизическое“. Будущность метафизики обезпечивается также самымъ развитіемъ наукъ. Онѣ не только *специализируются*, но въ то же время и *обобщаются*. „Разъ даны, съ одной стороны, объекты наукъ физическихъ, умственныхъ и социальныхъ, съ другой—самыя эти науки, необходимо возникаютъ прежде всего два вопроса по поводу этихъ двухъ группъ данныхъ. Первый вопросъ касается *отношеній и связи объектовъ*, изученныхъ по частямъ спеціальными науками, другой—*отношеній и связи самихъ наукъ*“.

Итакъ, ближайшая задача метафизики состоитъ въ объединеніи спеціально-научныхъ понятій о мірѣ, въ образованіи изъ нихъ одного связнаго міросозерцанія. Но положеніе спеціальныхъ наукъ въ отношеніи къ однимъ и тѣмъ же вопросамъ нерѣдко бываетъ радикально противоположно. Такъ физика и химія стоятъ за атомъ, а математика его отрицаетъ; біологія считаетъ жизнь и чувство принципомъ, не сводимымъ къ механическому движенію, а науки о неорганической природѣ не признаютъ самостоятельности этого принципа. Такимъ образомъ недостаточно простого сопоставленія наукъ. Отсюда возникаетъ новая задача—найти для координаціи научныхъ данныхъ принципъ, который бы выводилъ мысль за предѣлы спеціальныхъ наукъ,—другими словами необходимо найти принципъ метафизической классификаціи наукъ.

Рѣшеніе же этой новой задачи возможно не иначе, какъ путемъ тщательной критики нашего познанія. Такая критика должна, во-первыхъ, дать оцѣнку фактовъ знанія, т.-е. спеціально-научныхъ понятій, теорій и построеній, указать въ

нихъ пробѣлы, идеальныя границы и дѣйствительное значеніе и, во-вторыхъ, дать оцѣнку самыхъ нашихъ познавательныхъ способностей, самого познающаго разума. Здѣсь мы вступаемъ такимъ образомъ, вмѣстѣ съ Фулье, въ область критицизма, который, какъ извѣстно, опредѣляетъ философію, какъ *критику и теорію познанія*. Признавая рѣшеніе только что указанной задачи существенно необходимымъ въ метафизикѣ, Фулье, однако, не думаетъ, чтобы ею можно было ограничиться, и при томъ въ самомъ пониманіи метафизическаго познанія онъ значительно отличается отъ такъ называемыхъ „критицистовъ“.

Науки, различныя по *предметамъ*, представляютъ нѣчто единое въ мыслящемъ *субъектѣ*, въ его разумѣ; поэтому задача науки—возведеніе этого внѣшняго единства къ единству внутреннему, необходимому, основанному на коренныхъ, произведенныхъ законахъ самого разума. Таковъ и былъ идеалъ Канта: для него, какъ извѣстно, метафизика есть наука объ апріорныхъ идеяхъ и формахъ знанія. Въ метафизикѣ, по Канту, предметъ разсматривается лишь въ формѣ понятія, образуемаго по общимъ апріорнымъ законамъ мысли. Все эмпирическое содержаніе знанія, всѣ индуктивныя данныя, которыя неизбежно входятъ въ другія науки, здѣсь исключаются. Пользуясь словами самого Канта, метафизику слѣдуетъ опредѣлить такъ: „она есть критическій анализъ разума и его законовъ, поскольку они а priori даютъ намъ необходимое представленіе міра физическаго и нравственнаго“, или иначе—„теорія формъ, въ которыхъ мы обязаны мыслить міръ феноменальный“, ибо нашъ опытъ осуществляется не иначе, какъ посредствомъ этихъ формъ. Но въ этомъ ограниченіи метафизики изученіемъ лишь формальной стороны познанія Фулье, вслѣдъ за другими критиками Канта, находитъ односторонность. Допустимъ,—разсуждаетъ онъ,—что мы знаемъ формы бытія а priori: отсюда слѣдовало бы только, что въ метафизикѣ есть часть рациональная, которую а priori можно опредѣлить съ совершенною полнотою и точностію. Но даже и при такомъ пред-

положеніи зачѣмъ исключать изъ метафизики общее содержаніе науки и общіе результаты опыта, которые необходимы для полнаго представленія міра? Если метафизика есть изученіе міра съ цѣлю образовать возможно адекватное понятіе о немъ, то для нея недостаточно установить универсальную форму его; необходимо еще прибавить къ этой формѣ содержаніе, доставляемое систематизаціею опыта. Словомъ, метафизика должна быть кореннымъ анализомъ и кореннымъ синтезомъ опыта со всѣмъ его содержаніемъ, а не однѣхъ только его формъ. Съ другой стороны, если когда-либо будетъ доказано, что формы опыта, которыя, по Канту, даны а priori, — въ дѣйствительности сами суть лишь обобщеніе опыта, его высшій продуктъ и послѣдній результатъ его эволюціи, тогда метафизика будетъ вдвойнѣ экспериментальной,—и въ своей формѣ и въ своемъ содержаніи. Вотъ почему, по Фулье, взглядъ Канта на метафизику долженъ быть признанъ глубоко-одностороннимъ. Это метафизика формальная и субъективная, середина между старинною трансцендентною онтологіею и философіею опытною, „остановившійся на полудорогѣ спиритуалистическій формализмъ“, „висящій между небомъ и землею платонизмъ“.

Метафизика не можетъ быть, какъ это думаетъ Кантъ, наукою лишь объ апіорныхъ формахъ: эти пустыя схемы должно наполнить эмпирическое содержаніе, чувственныя интуиціи. Сообразно этому, истинная метафизика будетъ та, которая „даетъ намъ возможность проникнуть во внутренній принципъ вещей,—въ то, что заставляетъ ихъ существовать съ такими именно внутренними качествами, а не только въ такихъ именно внѣшнихъ отношеніяхъ“. Съ этой точки зрѣнія можно спросить, напримѣръ, не есть-ли психологія, которую Кантъ, вслѣдствіе отсутствія въ ней формальнаго математическаго элемента, считаетъ наименѣе приближающеюся къ типу науки,—не есть-ли она болѣе интуитивное знаніе реальнаго, не научаетъ-ли она насъ въ своихъ понятіяхъ—стремленія, усилія, воли и т. д.—болѣе основательно основанія вещей, чѣмъ геометрія, абстрактная ме-